

© 2017 г. К. К. Маслова

г. Москва, Россия

К ВОПРОСУ «ТЕМАТИЧЕСКОГО ГЕНЕЗИСА» В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ДРАМАХ К. ЧАПЕКА И А. Н. ТОЛСТОГО

Аннотация: В отечественном и зарубежном литературоведении достаточно широко известен тот факт, что А. Н. Толстой литературно переработал пьесу чешского писателя К. Чапека. Схожесть драм «Бунт машин» и «R.U.R.» отмечалось критиками-современниками (1920-е гг.) и рядом авторов позднейших работ как о творчестве Чапека, так и Толстого. Тем не менее проблема творческих связей этих двух литераторов и по сей день еще не может быть решена. В статьях и рецензиях 1920-х гг. новое для советской литературы обращение к обработке заимствованного сюжета подчас встречалось недоумением, а иногда и намеками на плагиат. Между тем вопрос о «тематическом генезисе» «Бунта машин» в полном объеме поставлен так и не был, хотя он и весьма существенен для изучения творчества А. Н. Толстого 1920-х гг. Это могло бы способствовать более разностороннему раскрытию позиций Толстого в первые годы по возвращении в Советский Союз из эмиграции. В статье проводится анализ некоторых внутренних и внешних аспектов «тематического генезиса» в пьесах «Бунт машин» А. Н. Толстого и «R.U.R.» К. Чапека и делается вывод о том, что пьеса русского писателя не является дубликатом перевода, а представляет собой написанное под влиянием Чапека собственное произведение.

Ключевые слова: литературные связи, чешско-русские литературные связи, литературные влияния, фантастика, Алексей Толстой, Бунт машин, Р.У.Р., R.U.R., Карел Чапек, робот.

Информация об авторе: Ксения Константиновна Маслова — соискатель, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32 а, 119991 г. Москва, Россия. E-mail: ksema_maslova@mail.ru

Дата поступления статьи: 29.01.2017

Дата публикации: 15.06.2017

В отечественном и зарубежном литературоведении достаточно широко известен тот факт, что Алексей Николаевич Толстой литературно переработал пьесу Карела Чапека «R.U.R.» (вышла отдельной книгой в ноябре 1920 г., издательство «Авентум»); первая постановка любительским театром 2 января 1921 г., Градец Кралове; премьерный показ в Национальном театре в 1921 г. в Праге). О том, что «Бунт машин» (1924) — переделка драмы чешского автора, писал и сам Алексей Толстой в предисловии к первому изданию: «Написанию этой пьесы предшествовало моё знакомство с пьесой “ВУР” чешского писателя К. Чапека. Я взял у него тему...» [4, с. 76]. Стоит отметить интересное различие в названиях. Оригинальное чешское название пьесы К. Чапека — «R.U.R.»

(«Rossumovi univerzální roboti») — в переводе на русский звучит как «Р.У.Р.» («Россумовы универсальные роботы»). Однако уже в одном из первых переводов на русский язык (1924 г., И. Мандельштам и Е. Геркен) мы встречаем название «ВУР» («Верстандовы универсальные работари»). Как мы видим, здесь изменяется сама графическая составляющая аббревиатуры, использованной Чапеком и вынесенной в название: «R.U.R.» — «Р.У.Р.» — «Ф.У.Р.» — «ВУР», как следствие, происходит перерождение первого слова — в «вур», название утрачивает свой изначальный смысл. По задумке чешского писателя в образе главного героя отражается идея торжества чистого разума и об этом прямо «говорит» даже сама фамилия гениального ученого, сотворившего роботов. Так, в чешском оригинале всё достаточно прозрачно: фамилия Россум происходит от чешского слова rozum (разум), в немецком же переводе (он выполнен уже в 1922 г. Отто Пиком) всё несколько сложнее: фамилия звучит как Ферстанд, вероятно, от немецкого слова verstand [1] (разум). Буква «v» в немецком языке в большинстве случаев читается как [ф], и слово verstand звучит как ферстанд [2, с. 51]. Однако переводчик при переводе фамилии ученого изменяет заглавную букву с «v» на «w» — ничего не говорящая нам аббревиатура «F.U.R.» (Ф.У.Р. трансформируется в знакомый по первым переводам «ВУР»). Это различие в названиях, безусловно, обосновано лингвистическими причинами. По всей видимости, русский перевод 1924 г., о котором говорилось выше, опирается непосредственно на немецкий вариант перевода Отто Пика, а не на оригинальный текст. При этом серьезное изменение в названии остается незамеченным, и, как итог, мы видим «ВУР» и несколько смазанный непрозрачный смысл задуманного Чапеком названия. Это позволяет нам предположить, что Толстой имел дело в первую очередь не с оригинальным текстом пьесы Чапека, а только с ее переводом на русский язык с немецкого. В договоре о сотрудничестве Алексея Толстого с известным деятелем театра и кино Г. А. Кролем (заключен весной 1923 г. в Берлине), пьеса названа «ВУР».

Схожесть «Бунта машин» с пьесой «R.U.R.» отмечалась критиками 1920-х гг. и рядом авторов позднейших работ, посвященных как творчеству Карела Чапека, так и творчеству Алексея Толстого. Тем не менее вопрос о творческих связях Толстого и Чапека и по сей день еще не может считаться решенным. В статьях и рецензиях 1920-х гг. новое для советской литературы обращение к обработке заимствованного сюжета подчас вызывало открытое недоумение, а иногда и подозрение в плагиате. Поясняя свое отношение к пьесе «R.U.R.», Алексей Толстой указывал в предисловии к первому изданию «Бунта машин» (пьеса вышла в 1924 г. в февральском номере журнала «Звезда», а потом и отдельным изданием): «Моё решение взять чужую тему было подкреплено примерами великих драматургов» [7, с. 48]. О полной необоснованности упреков Толстого в плагиате уже тогда справедливо писал один из критиков писателя Э. Голлербах: «Если в пьесе “Смерть Дантона” Толстой использовал драму Бюхнера, если в пьесе “Бунт машин” он взял сюжет пьесы Чапека “ВУР”, то это может нас интересовать только как явление тематического генезиса, а не как событие криминального порядка» [3, с. 51]. Но вопрос «тематического генезиса» «Бунта машин» в полном объеме поставлен так и не был. Даже в наиболее крупных и интересных работах об А. Н. Толстом (например, монографиях В. Щербины [11, 12, 13]) пьеса «Бунт машин» почти полностью выпадает из поля зрения исследователя и лишь перечисляется в ряду близких к ней по проблематике и содержанию произведений («Гиперболоид инженера Гарина», «Аэлита», «Союз пяти»). В ряде других случаев связь «Бунта машин» Толстого и «R.U.R.» Чапека абсолютно игнорируется, а ведь без этого невозможен разносторонний анализ пьесы Толстого.

В тех же немногих работах, где такая связь все же прослеживается, это происходит, как нам представляется, не вполне с объективных позиций. Так, в работе М. А. Макиной совершенно справедливо перечисляются те стороны позиций Толстого, которые сближают его с Чапеком, и те, в которых видно отличие их взглядов [4, с. 53]. Однако основная задача работы М. А. Макиной — стремление показать, как Толстой «улучшил» пьесу Чапека, якобы «преодолев» слабые стороны подлинника. При анализе «Бунта машин» центральное место отводится вопросу о преодолении Толстым «мелкобуржуазной ограниченности Чапека». Исследователь делает вывод: пьеса Алексея Толстого имеет явно полемический по отношению к пьесе К. Чапека характер.

Вопрос «тематического генезиса» «Бунта машин» весьма существенен для изучения творчества А. Н. Толстого 1920-х гг. Обращение к пьесе Чапека, вероятно, связано с острым интересом писателя к судьбам послевоенной Европы, к судьбам цивилизации и технического прогресса в целом. В этом смысле «Бунт машин» предвосхищает такое значительное произведение, как «Гиперболоид инженера Гарина», и оказывается у истоков антифашистской темы в творчестве Толстого. Кроме того, интерес к пьесе Карела Чапека красноречиво свидетельствует и об умонастроениях Толстого, которому оказалась близка концепция «R.U.R.»¹. Изучение влияния творчества чешского писателя помогает разностороннему раскрытию позиции Толстого в первые годы после его возвращения в Советский Союз из эмиграции.

Возникновение интереса А. Н. Толстого к пьесе «R.U.R.» относится к 1923 г. — периоду разрыва связей с миром эмиграции и возвращения обратно на родину. В промежутках между первым (апрель 1923 г.) и вторым, окончательным (август 1923 г.) приездами в Советский Союз А. Н. Толстой в Берлине заключает договор с Г. А. Кролем о совместной работе над переводами и обработкой немецких и других иностранных произведений для русской сцены. В качестве первых объектов для работы они избрали пьесу чешского писателя Карела Чапека «R.U.R.» (сам Толстой называл пьесу «ВУР») и одно из произведений немецкого драматурга Рудольфа Лотара¹. Выбор именно этой драмы не случаен. Такому решению предшествовало знакомство Толстого с пьесой Чапека на сцене одного из берлинских театров. Драма произвела на Толстого сильнейшее впечатление. Он назвал ее «динамитной по содержанию и динамической по силе развития действия», ее тема «мощна, грандиозна и символична» [5]. Первоначальный замысел перевода претерпевает в дальнейшем существенные изменения. Г. А. Кроль, согласно договору, выполнил для А. Толстого подстрочный перевод пьесы Чапека с немецкого языка. Уже к моменту возвращения в СССР перед Толстым вырисовывается задача существенной переработки пьесы Чапека. Он заявляет, что «пьесу придётся, как говорят французы, “адаптировать”, приспособить к русской сцене <...>, взять в работу — выбросить все мелкие недостатки, провалы и недоделанности» [10]. Но вскоре выясняется, что простого «адаптирования» произведения Чапека для России, для российской сцены, Толстому недостаточно, что он уже готов создать новую пьесу о роботах (у Толстого «роботари» / «работники»). Автор настолько вдохновлен своим замыслом, что уже приблизительно к октябрю 1923 г. пьеса «Бунт машин» была завершена. Она была опубликована во втором выпуске журнала «Звезда» за 1924 г., а затем в этом же году вышла отдельным изданием в ленинградском издательстве «Время». Позже, с незначительной стилистической правкой, пьеса появляется в собрании сочинений А. Толстого 1929 и 1930 гг. Еще более существенной правке Толстой подверг произведение

¹ Рудольф Лотар — немецкий драматург, автор пьес «Король-арлекин», «Сын Казановы», «Волк-оборотень» и др. Какую из пьес имел в виду Толстой — неясно. Перевод не был осуществлен.

в 1936 г., включив в новое, издаваемое Гослитиздатом собрание сочинений. Оттуда пьеса без изменений попала в Полное собрание сочинений Толстого 1949 г. [7]. Работая над произведением, Толстой предпринимает энергичные попытки к его постановке.

Сюжет пьесы Чапека претерпел большие изменения в произведении Толстого. Они коснулись как содержания, так и структуры пьесы. Приведем лишь некоторые из них. Так, вместо драмы в трех действиях с прологом («вступительной комедией»), как это было у чешского автора, у Толстого получилась пьеса в 4-х действиях. Модификаций не избежали и герои, начиная с замены имен и заканчивая своими характеристиками (исключением становится главная героиня и Чапека и Толстого — Елена, основной положительный женский образ). Нельзя не отметить перемен в самом составе образов: целый ряд героев «R.U.R.» вообще не находит места в пьесе Толстого: олицетворение старого мира религиозная няня Нана, генеральный коммерческий директор «R.U.R.» а Бусман, ряд роботов женского пола, в какой-то степени дополняющих образ Елены, — Сулла, Девушка-робот. Вместо них появляются новые оригинальные персонажи: революционер Михаил, механический работник Васька (номер 088), один из главных героев Обыватель со своей супругой Фаиной Васильевной. Последние в пьесе совершенно размыывают грань между реальным миром читателя (зрителя) и собственно произведением (театральной постановкой). Обыватель, к примеру, на протяжении всего действия беседует одновременно и с героями драмы, и со зрителями в зале/читателями. В пьесе Толстого меняется многое — состав персонажей, расстановка семантических акцентов, диалоги и сам ход действия. Однако есть и то, что заимствуется. К примеру, основная тема «R.U.R.» — бунт машин. Толстой уделяет ей особенное внимание, вынося ее в заглавие. У Чапека действие носит инертный характер, события развиваются неторопливо и предсказуемо, создается образ неотвратимости развития событий, невозможности изменить их ход; у Толстого же действие развивается динамично, стремительно, предполагаются любые неожиданности в судьбах персонажей. Герой драмы «Бунт машин» Обыватель постоянно обращается к зрителю с просьбой повлиять на поступки действующих лиц или даже критикует замысел самого Автора: «Вот они, современные писатели: каждый норовит написать так, чтобы читателю стало нехорошо» [6, с. 76]. Так или иначе в пьесе Толстого можно отметить отдельные детали сюжета, присутствующие в драме Чапека. Это история изобретения протоплазмы, «теста» для создания искусственного существа, распространение роботов через плантации Южной Америки, сначала незначительные поломки, а потом и полный выход роботов из-под контроля, уничтожение Еленой рукописей с рецептом создания/оживления протоплазмы и т. д. Кроме того, у Толстого звучат некоторые характерные реплики персонажей Чапека, что свидетельствует о неплохом знании Толстым пьесы Чапека, хотя бы и в подстрочном переводе Кроля. Примером этому служит рассказ о создании роботов предпринимателя-дельца у Толстого — Мореля и у Чапека — Домина. Их монологи удивительно похожи. Однако, при всех сходствах произведений, у Толстого отсутствует собственно «робот», в его пьесе это слово заменено, как уже упоминалось, словом «роботарь» / «работник».

Оба автора резко отрицательно относятся к буржуазно-капиталистической цивилизации, причем в обеих пьесах противопоставление этого мира и иной, по мнению авторов, положительной социальной модели ведется по двум направлениям: с точки зрения отношения к активной жизненной позиции, к труду, и к естественным человеческим чувствам — к любви, к душе. У Чапека персонажи отрицаемого им мира «не протягивают руки к еде <...> её суют им прямо в рот, чтобы им вставать не приходилось»

[8, с. 114]; у Толстого: «Что делают люди? Люди наслаждаются <...> люди пируют. Люди прокляли труд. Люди сошли с ума» [6, с. 97]. В обоих произведениях герои предпочитают владеть, но не создавать, не строить, не возвращать ничего нового, живого. И у Чапека, и у Толстого мы видим историю ученых двух поколений, творивших с разной целью: старый ученый желал постичь человеческую душу, породив настоящего человека (пусть и при помощи «теста»-протоплазмы и пробирки), новый ученый желал выйти на мировой рынок, создав дешевого человека без души, а значит, и без человеческих чувств и потребностей. В своей пьесе Толстой переводит чапековский конфликт между «естественным» миром и миром технократии в социальную и политическую плоскость, в конфликт, по мнению писателя, характерный для буржуазного общества.

Сходно отношение обоих авторов к теме любви. Так, в обоих произведениях проводится мысль о том, что в мире денег нет места для настоящей любви. Отсюда — сугубо рациональное объяснение в любви чапековского Домина и толстовского Морья. Первый так дорожит своим временем, что объясняется в любви своей возлюбленной, поглядывая на часы, второй же вообще не снисходит до изливания чувств, ограничиваясь лишь перечнем выгод союза с ним. Елена у Толстого говорит: «Михаил, ведь меня не научили даже мечтать о любви... Моя жизнь далека от любви, как от солнца» [6, с. 99]. Настоящие чувства у Чапека присущи роботам Елене и Примусу, у Толстого — работникам / работарям Адаму и Еве; в обоих случаях речь идет о любви как о пути к возрождению человечества.

Концепция Толстого, близкая чапековской в ряде моментов, все же отличается от нее. Для Чапека характерна большая абстрактность взглядов и суждений. Толстой же мыслит конкретными социально-историческими категориями, сознательно стремясь усилить расставленные акценты своей пьесы. Вместо философской драмы он создает драму социально-политическую. Будущий идеальный мир у Толстого вполне четко очерчен, в отличие от абстрактного будущего у Чапека.

Чапек критикует мир высоких технологий и научно-технический прогресс в целом, у Толстого же речь идет именно о критике социально-политической ситуации, условий, в которых существуют действующие лица его пьесы. Чапеку ближе старый мир, предшествующий миру роботов, с моралью, богобоязненностью (достаточно привести реплики няни Наны, пророчащие конец света, кару за грехи), с тягой к личному созиданию (образ Алквиста, талантливого ученого, увлеченно кладущего камень своими руками). По мнению чешского автора, человек в новом, быстро изменяющемся мире теряет себя, он становится духовным Ничто (образ пустоты муссируется Чапеком на протяжении всего произведения и особенно интересно дается через образ цветов-пустоцветов, преподнесенных главной героине Елене, — таких же красивых и бесплодных, как и она сама, как и всё на Земле с появлением на ней роботов). Более того, человек становится пустоцветом физическим. На вопрос Елены, почему женщины перестали иметь детей, один из героев отвечает: «Потому что это ненужно. Ведь мы в раю, понимаете? <...> Потому что не нужен человеческий труд, не нужны страдания; человеку ничего, ничего не нужно. Кроме наслаждения жизнью... О, будь он проклят, такой рай!» [8, с. 118]. У Толстого, как и у Чапека, людей также поражает бесплодие — высшая кара.

Глубокий отпечаток накладывают на оба произведения реалии времени их создания — эпоха после Первой мировой войны. Толстой в «Бунте машин» остро ставит проблему неминуемой катастрофы вследствие губительного технического прогресса. Изображение ужасных последствий технизации (забастовки, убийство рабочих), которые Чапеком лишь названы, в пьесе русского писателя занимает одно из ключевых

мест. Более того, Толстой выносит тему социальной катастрофы на передний план. Заметно и коренное изменение образа одного из главных героев пьесы, директора фабрики Морей (у Чапека — Домина). Вместо чапековского утопически настроенного интеллигента, мечтающего о всеобщем счастье, в пьесе Толстого появляется образ, являющийся бесспорным предшественником инженера Гарина, от внешнего вида («острой бородки») и до заявлений вроде: «Я люблю деньги, вернее процесс их размножения. Приятно стоять в центре циклона из денег. Но ещё больше я люблю власть. Желаю по-своему перестроить весь муравейник... Вот моя мораль, моя вера, моя сила!» [6, с. 81]. Даже вопрос женитьбы Морей решает как настоящий делец-капиталист, с одной стороны ни слова не говоря о своих чувствах, с другой стороны подробно перечисляя выгоды такого союза для Елены: мехá и наряды, драгоценности, экипажи и слуги. Апогеем «любовного объяснения» становится упоминание о том, что у нее нет приданого, тем самым он, Морей, проявляет большое великодушие, делая столь выгодное предложение. Вся эта сцена пропитана почти такой же холодностью, как и сцена с приказом о прилюдном самоубийстве испорченному экземпляру, работнику / работарю 033. Весьма интересен мотив, появляющийся у Толстого во время сватовства (назовем его так) Морей — брошенные на землю цветы Еленой, которые она несла ему как божеству: «Я пришла, чтобы увидеть самого великого человека на земле. Я верила, когда вас называли новыми мессией. Я мечтала о вас. А вы — просто продавец рабов!» [6, с. 81]. Интересно, что у Чапека мы видим тот же мотив, так же использован образ цветов для обозначения пустоты человека новой эпохи.

Морей, с одной стороны, предстает в пьесе властным предпринимателем, а с другой — крайним индивидуалистом, авантюристом, мечтающим о мировом господстве и отрицающим какие-либо преграды на пути к своей цели: будь то чужие интересы или закон. В этом смысле Морей предвосхищает образ диктатора Гарина, в котором, по собственному признанию (Гарина), угадывается будущий фашист.

Поскольку во время написания пьесы Толстым уже отгремели страшные события Первой мировой войны и нависла не менее страшная угроза фашизма и новой войны, антивоенная тема в пьесе возникает не случайно. Спустя некоторое время мотив получает развитие в романе «Гиперболоид инженера Гарина». Сходную тематику мы встретим и у чешского писателя (кстати, мотив, заданный в драме, вырастет в более крупные произведения Толстого — «Кракатит», например). Вместе с активацией фашизма разгорается новый, еще более страшный, чем уже пережит, мировой конфликт. Столкновения между людьми и роботами в пьесах — это символ до крайности обострившихся общественных противоречий. Оба автора увидели возникающую угрозу фашистской агрессии и выразили свое беспокойство за судьбы человечества. Средствами фантастического сюжета они показали, что жажда власти, нетерпимость, культ силы может привести к катастрофическим последствиям.

Итак, в своей пьесе Толстой переводит чапековский конфликт между «естественным» миром и миром технократии в социальную и политическую плоскость, в конфликт, характерный, по его мнению, для буржуазного общества. Миру Морей и ему подобных Толстой противопоставляет в своей пьесе не чапековский антитехнизм, а вполне конкретные силы, активное движение. Восстание «работников» у Толстого — действенная модель социальной революции. Если у Чапека все роботы истребляют всех людей, то у Толстого они восстают против Морей вместе с другими людьми: «В десяти штатах всеобщая забастовка наших работников. Их поддерживают и организуют безработные» [6, с. 110].

Революция механических работников тесно связана с деятельностью второго главного героя у Толстого — Михаила (аналогичный этому образ у Чапека отсутствует). В этом персонаже автор осмысливает позицию интеллигента, попавшего в жернова социальных потрясений; это первая попытка постановки А. Толстым подобной проблемы. Характерно, что в такую же ситуацию попал сам Толстой (как и его чешский коллега). Михаил — интеллигент, сын профессора, подающий большие надежды, — «премирован Парижской академией». Толстой его изображает как личность, готовую пожертвовать своими личными интересами и даже жизнью во имя высших духовных ценностей. Он — честный и смелый человек. Это подтверждает диалог Михаила с первым «очеловеченным» роботом:

Адам: Ты хочешь, чтобы мы возмутились. Но мы будем убивать людей. Мы и тебя убьём.

Михаил: Ты когда-нибудь узнаешь, Адам, — над страданием и радостью есть высший закон.

Адам: Какой?

Михаил: Совесть.

Адам: Что такое совесть?

Михаил: Совесть — это боль. Это страшная боль... Люди идут в тюрьмы и на эшафот, и всё же делают то, что велит им делать их боль. Вот — совесть.

Адам: Эти люди — безумные?

Михаил: Нет. Совесть раскрывает им глаза на знание судеб человеческих. Их глаза становятся зоркими. Они пронизывают туман истории. Высшее знание даёт уверенность и силу [6, с. 84].

В другом месте пьесы Михаил утверждает, что человек — лишь мельчайшая частичка великого целого, с которым он связан духовно. Подобные взгляды для Толстого периода его возвращения на родину не случайны. В письме к Андрею Соболю от 12 июня 1922 г. Толстой высказывает те же мысли: «Перестать быть сволочью можно, только почувствовав себя частицей — единого, огромного, сильного и творящего благо» [4, с. 83].

«Бунт машин» не был единственной попыткой познакомить советского читателя и зрителя с пьесой Карела Чапека. Почти одновременно появились и два перевода «R.U.R.» а на русский язык. Первый был сделан непосредственно с чешского оригинала И. Калининским в Праге и издан в 1924 г. [9]. В этом же году Е. Геркен и О. Мандельштам издали в Ленинграде свой перевод пьесы Чапека (о нем говорилось ранее). Через несколько месяцев после премьеры «Бунта машин» пьеса Чапека в переводе Геркена и Мандельштама была поставлена в передвижном театре П. П. Гайдебурова в Ленинграде, а в конце 1924 г. — самостоятельным коллективом Ленинградского Путиловского завода, рабочего театра «Посвящение» и Домпросвета им. В. М. Молотова.

Очевидно, что пьеса Алексея Толстого была частью того общего резонанса, который пьеса Чапека уже в 1920-х гг. получила в России. В то же время «Бунт машин» никоим образом не был дубликатом перевода, а представлял собой написанное под влиянием Чапека собственное произведение Толстого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Čapek K. W.U.R. Werstands universal Robots: Utopistisches Kollektivdrama in 3 Aufzügen / Deutsch von Otto Pick. Praga; Leipzig: Orbis, 1922. 136 S.
- 2 Архипов А. Ф. Письменный перевод с немецкого языка на русский язык. М.: КДУ, 2008. 336 с.
- 3 Голлербах Э. С. Алексей Николаевич Толстой. Л.: Изд-е Э. Голлербаха, 1927. 80 с.
- 4 Макина М. А. Творчество А. Н. Толстого 20-х годов (1922–1930 гг.). Л.: Наука, 1955. 155 с.
- 5 Никольский С. В. К. Чапек — фантаст и сатирик. М.: Наука, 1973. 431 с.
- 6 Толстой А. Н. Бунт машин // Толстой А. Н. Любовь — книга золотая: сб. пьес. Киев: Мистецтво, 1983. С. 73–119.
- 7 Толстой А. Н. Собр.соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 10. 712 с.
- 8 Чапек К. Соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1959. Т. 3. 464 с.
- 9 Чапек К. R.U.R. Коллективная драма в 3-х действиях с прологом / пер. И. Ф. Каллиников. Прага: Пламя, 1924. 244 с.
- 10 Чарный М. Б. Путь Алексея Толстого: очерк творчества. М.: Художественная литература, 1981. 248 с.
- 11 Щербина В. Р. А. Н. Толстой (критико-биографический очерк). М.: ГИХЛ, 1955. 470 с.
- 12 Щербина В. Р. А. Н. Толстой. Творческий путь. М.: Сов. писатель, 1956. 617 с.
- 13 Щербина В. Р. Научно-фантастические произведения А. Н. Толстого (послесловие) // Толстой А. Н. Гиперолоид инженера Гарина. Аэлита. М.: Детгиз, 1956. Т. 4. С. 430–446.

© 2017 Kseniya K. Maslova
Moscow, Russia

**ON THE “THEME GENESIS” IN SCI-FI DRAMAS
BY K. ČAPEK AND A. N. TOLSTOY**

Abstract: The fact that A. N. Tolstoy literary reworked a play by the Czech writer K. Čapek is widely known in national and foreign literature. The similarity of dramas “Revolt of the machines” and “R. U. R.” was noted by contemporary critics (1920s) and by a number of later authors about Čapek and Tolstoy. However, the issue of the creative relationship of these two writers is still unresolved. New to the Soviet literature appeal to processing of the borrowed story sometimes had to face bewilderment and even accusations of plagiarism in articles and reviews of 20s. Meanwhile, the issue of the “Genesis theme” of “Revolt of the machines” was never raised, although being highly significant to the study of A. N. Tolstoy's works of 1920s. It could contribute to a more comprehensive interpretation of Tolstoy's views in the first year sup on his return to Soviet Union from emigration. This article will allow to analyze some internal and external aspects of “theme Genesis” in the plays “Revolt of the machines” by A. N. Tolstoy and “R. U. R.” by K. Čapek, thus providing more evidence that the

play of the Russian writer is not a duplicate of translation and constitutes a proper work of his own written under the influence of Čapek.

Keywords: literary relations, the Czech-Russian literary relations, literary influence, fiction, Alexei Tolstoy, the Revolt of the machines of R. U. R., R. U. R., Karel Čapek, robot.

Information about the author: Kseniya K. Maslova — Applicant, The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninskii avenue., 32 a, 119991 Moscow, Russia. E-mail: ksema_maslova@mail.ru

Received: January 29, 2017

Date of publication: June 15, 2017

REFERENCES

- 1 Čapek K. W.U.R. Werstands universal Robots: Utopistisches Kollektiv drama in 3 Aufzügen / Deutsch von Otto Pick. Praga, Leipzig, Orbis, 1922. 136 p. (In Germany)
- 2 Arkhipov A. F. *Pis'mennyy perevod s nemetskogo iazyka na russkii iazyk* [Translation from German into Russian]. Moscow, KDU Publ., 2008. 336 p. (In Russian)
- 3 Gollerbakh E. S. *Aleksei Nikolaevich Tolstoy* [Aleksey Nikolayevich Tolstoy]. Leningrad, Izd-e E. Gollerbakha Publ., 1927. 80 p. (In Russian)
- 4 Makina M. A. *Tvorchestvo A. N. Tolstogo 20-kh godov (1922–1930 gg.)* [The Works of A. N. Tolstoy of 20s (1922–1930)]: Abstract of dissertation for PhD degree. Leningrad, Nauka Publ., 1955. 155 p. (In Russian)
- 5 Nikol'skii S. V. K. *Čapek — fantast i satiric* [K. Čapek — science fiction writer and satirist]. Moscow, Nauka Publ., 1973, p. 36. (In Russian)
- 6 Tolstoy A. N. Bunt mashin [The revolt of the machines]. Tolstoy A. N. *Liubov' — knigazolotaia: sb. p'es* [Tolstoy A. N. Love — the golden book]. Kiev, Mistetstvo Publ., 1983, p. 73–119. (In Russian)
- 7 Tolstoy A. N. *Sobr. soch.: v 11 t.* [Collected works: in 11 vols.] Moscow, GIKhL Publ., 1958. Vol. 10. 712 c. (In Russian)
- 8 Čapek K. R.U.R. *Soch.: v 5 t.* [Works: in 5 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1959. Vol. 3. 463 p. (In Russian)
- 9 Čapek K. R.U.R. *Kollektivnaia drama v 3-kh deistviakh s prologom* [A collective drama in 3 acts with a prologue], translated by I. F. Kallinikov. Praga, Plamia Publ., 1924. 244 p. (In Russian)
- 10 Charnyi M. B. *Put' Alekseia Tolstogo: ocherk tvorchestva* [The path of Alexei Tolstoy: an essay on the works]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1981. 248 p. (In Russian)
- 11 Shcherbina V. R. *A. N. Tolstoy (kritiko-biograficheskii ocherk)* [A. N. Tolstoy (critical and biographical sketch)]. Moscow, GIKhL Publ., 1955. 470 p. (In Russian)
- 12 Shcherbina V. R. *A. N. Tolstoy. Tvorcheskii put'* [A. N. Tolstoy Creative career]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1956. 617 p. (In Russian)
- 13 Shcherbina V. R. Nauchno-fantasticheskie proizvedeniia A. N. Tolstogo (posleslovie) [Sci-Fi works of A. N. Tolstoy (afterword)]. *Tolstoy A. N. Giperboloid inzhenera Garina. Aelita* [Tolstoy A. N. The hyperboloid of engineer Garin. Aelita]. Moscow, Detgiz Publ., 1956, vol. 4, pp. 430–446. (In Russian)